

Disciplina militaris и воздержанность в пище: топос и реалии римской армейской действительности

С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

Исследуется проблема идеологической и фактической взаимосвязи между римской *disciplina militaris* и так называемой «стратегией голода», то есть той практикой военного лидерства, которая основывалась на эксплуатации, характерной для римских воинских традиций темы воздержанности в пище. Делается вывод об обусловленности *disciplina militaris* такой системой обучения войска, которая состояла в приучении воинов к осознанному самоограничению. И важнейшим ресурсом воздействия на солдат был личный пример полководца, следовавшего аристократическому топосу *temperantia*.

Ключевые слова: римская армия, традиционное сознание, военное лидерство, продовольственное обеспечение, «стратегия голода», *disciplina militaris*.

The problem of interrelation ideological and actual interrelations between Roman *disciplina militaris* and the so-called «hunger strategy» is investigated. It was the practice of military leadership which was based on the exploitation of typical Roman military traditions threads – abstention from food. It is concluded that *disciplina militaris* was such a system of training troops, which consisted in training soldiers to the conscious self-restraint. And the personal example of the commander following aristocratic topos of *temperantia* was the major resource for influence on the soldiers.

Keywords: Roman Army, traditional consciousness, military leadership, food maintenance, «hunger strategy», *disciplina militaris*.

Изучение истории и культуры античных обществ имеет непреходящее значение, обусловленное той важной ролью, которую играет греко-римское наследие в жизни современного человечества. Образцы античной классики активно влияют на сознание самых различных слоев общества. В свою очередь, исторические и филологические науки, ориентированные на изучение античного прошлого, имеют давние традиции, продолжаемые новыми поколениями исследователей, зачастую открывающими на основе анализа, казалось бы, давно изученных источников новые аспекты исторического и культурного бытия обществ Греции и Рима. С начала XX в. мировое антиковедение сосредоточено на поиске стратегий научного поиска. Отсюда – особое, в сравнении с другими науками о прошлом, понимание актуальности. В антиковедении оно прежде всего связано с новыми подходами и направлениями. Одним из важнейших направлений современной науки о классической древности является изучение цивилизационных особенностей античного общества [1, с. 293–294]. Особый интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей вызывают идеологические основания процессов, приведших к переходу от республики к монархии в Древнем Риме [2, с. 19–27]. При этом сохраняется научный интерес к проблеме данных особенностей в контексте традиций римского военного сообщества [3, с. 142]. Предметом всестороннего изучения не раз становились самые различные аспекты этих традиций, их идеологическая основа и пропагандистское оформление [4, с. 29–56], [5, с. 77–101, 106–114]. Особое место было уделено идеологеме *disciplina militaris* («воинская дисциплина») [6, р. 13–35]. Относительно механизмов пропаганды в ранней Римской империи важным событием в свое время стал выход книги М.Г. Абрамзона «Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи». Автор, обобщив по сути документальный монетный материал, вполне справедливо утверждает, что по крайней мере «с установлением принципата Августа официальная пропаганда впервые приобрела размах государственного предприятия», и «императоры старались постоянно напоминать легионерам о долге перед ними и страной, об основных римских добродетелях, составляющих систему гражданских и военных ценностей» [7, с. 10, 91]. Тем не менее, как нам кажется, необходима дальнейшая конкретизация различных аспектов идеологии и пропаганды как факторов, оказывавших важное влияние на процесс становления такого важнейшего механизма политической власти позднереспубликанского и раннеимператорского Рима, каким была профессионали-

зировавшаяся армия. Необходимым также представляется исследование соотношения между явлениями морально-психологического порядка и реально имевшей место практикой внутренней жизни римского воинского сообщества.

Современное состояние исследований о римской армии и ее традициях пока не позволяет утверждать, что тема воздержанности как идеологемы и практики, направленных на поддержание дисциплины, в науке о Древнем Риме получила должную разработку. Ситуация парадоксальная, так как античные авторы к этому вопросу обращались довольно часто. Например, для гладиатора староримских добродетелей Тита Ливия умеренность – это качество идеального римлянина [8, с. 10]. Можно сравнить эту установку с описанием образа жизни Катона Старшего, чей образ стал символом указанных достоинств [9, с. 598]. Схожие мысли, причем применительно к римской армейской действительности, можно встретить и в других сочинениях – Тацита [10, с. 580], Плутарха [11, с. 45], Саллюстия [12, с. 56], Аммиана Марцеллина [13, с. 36–37]. Соответственно, предметом нашего рассмотрения является идеологическая и фактическая взаимосвязь между римской *disciplina militaris* и той практикой военного лидерства у древних римлян, которая основывалась на теме и идейной установке воздержанности в пище как особой добродетели настоящего римского воина.

Античная литературная традиция дает примеры полководцев, считавшихся у римлян выдающимися. Среди командиров, подражание которым выглядит стандартом поведения военного лидера даже в позднейшие периоды римской истории, античные авторы чаще всего называют полководцев II в. до н. э. – разрушителя Карфагена Сципиона Эмилиана и Квинта Метелла, окончательно разгромившего Македонию. И тот и другой изображаются поборниками дисциплины, которую наводят среди своих солдат, в том числе путем введения в армии запретов и ограничений на излишества в отношении питания. Якобы Сципион и Метелл запретили воинам употреблять мясо, если только оно не было жареным или вареным [14, с. 96], [15, с. 377], [12, с. 66], [16, с. 253–254], [17, с. 87].

Отметим, что значимая для полисного сознания роль личного примера как средства осуществления военного лидерства источниками фиксируется также. Например, о личной воздержанности Сципиона Эмилиана сообщает Полибий [18, с. 377–381]. Сципиону, вероятно, подражал политический союзник Юлия Цезаря (затем его противник в гражданской войне 40-х гг. I в. до н. э.) Гней Помпей. О последнем сообщается, что он ограничивал себя и в том, что он ел, и в том, каким способом пища была [19, с. 445], [20], [21, с. 282].

Еще более ярким примером подражания образам воздержанности был сам Юлий Цезарь, о котором сообщают, что он, ради выражения дружеского расположения к некоему Валерию Леону, ел «приправленные оливы», которые другие участники обеда есть не желали [19, с. 616–617], [22, с. 34]. Р. Саллер предполагает, что «приправленные оливы» – это пища, никак не соответствующая вкусам римской знати [23, р. 75–79]. С учетом того, что Светоний писал о Цезаре, когда тот уже стал для римлян символом полководческих талантов, можно предположить, что описанный случай – это часть сознательно культивированного образа. Данный образ хорошо вписывается в общую картину популярных в I–II вв. сюжетов. Так, анонимный автор I в. н. э., условно именуемый Псевдо-Фронтином, написавший сочинение, специально посвященное военному искусству, приводит примеры греческих и римских полководцев, демонстративно употреблявших простую пищу [16, с. 260–261]. Очевидно, что любые ассоциации между пищей и *otium* (отдыхом) или *luxuria* (роскошью) автором сознательно исключаются, а потребление пищи становится символом *labor militaris* (воинского труда).

Приведенные сообщения о Помпее и о Цезаре как раз показывают, насколько был нетипичен для аристократов столь умеренный режим питания. Между тем «типичность» в поведении знати, то есть следование общим образцам поведения была жестко регламентирована, в том числе сакральными установлениями [24, р. 27]. Исключения в стиле поведения здесь могли быть связаны лишь с особым статусом авторитетного политического и военного вождя. Так, воздержанность Помпея и Цезаря явно была связана с их военным лидерством, немислимым без демонстрации солидарности в лишениях полководца и его войска. Закономерно, что схожим образом ведет себя намного позже император II в. Адриан, подражая тем самым Сципиону Эмилиану, Метеллу и Траяну [25, с. 348].

Что же касается рядовых воинов, то известным примером воздержанности солдат в отношении пищи и в целом дисциплинированности является случай, описанный Псевдо-Фронтином: воины прославленного римского командира Марка Скавра покинули лагерь, в расположении которого оказалась яблоня, покрытая спелыми плодами, не сорвав с дерева ни одного яблока [16, с. 261–262]. Любопытно, что приведенный пример воздержанности солдат – единственный, который дает Фронтин (Псевдо-Фронтин) в соответствующей части своего сочинения. И напротив, примеры воздержанности полководцев в этом же сочинении и многочисленнее и красноречивее. Тем не менее общий контекст рассказа о воинах М. Скавра позволяет судить о том, как в глазах римлян *disciplina militaris* была связана с умением воинов сдерживать свои потребности в пище. Однако нет сомнения в том, что сознательное самоограничение здесь было осознанным умением скорее военного лидера, чем рядового воина [26, с. 138]. И мы едва ли обнаружим здесь противоречие с тем фактом, что в источниках можно встретить указания на присутствие в багаже многих римских командиров (и не только) предметов роскоши [27, с. 93], [11, с. 352]. Важно, что это те свидетельства, которые в соответствии с риторической практикой античной историографии были призваны сконцентрировать внимание на негативных аспектах увлечения излишествами [28, р. 239–248].

Если говорить о реальном положении дел с продовольствованием римской армии в позднереспубликанский период, то здесь остается еще много неясного [29, р. 1–44]. Полководцам эпохи гражданских войн приходилось сами маршруты движения легионов определять в соответствии с возможностями продовольственного обеспечения солдат [30, с. 38, 50]. И задачи, которые в этом случае решались, были связаны не просто с жизнеобеспечением войска, но с поддержанием минимального уровня, на котором только и возможно было сохранение лояльности воинов. Теоретик военного дела Онасандр (I в. н. э.) писал, что солдаты не получающие достаточного пропитания, будут сражаться хуже [31]. Более того, из записок Цезаря следует, что от такого войска возможно ожидать открытого неповиновения [30, с. 45, 128].

С другой стороны, Цезарь неоднократно использовал факт привычки своих солдат терпеть лишения как преимущество в борьбе с противником. Примером здесь является эпизод из истории гражданской войны 40-х гг. I в. до н. э. В 49 г. до н. э. Цезарь действовал в Испании против республиканских войск, возглавлявшихся Афранием и Петреем. Проявившаяся в ходе кампании готовность воинов Цезаря терпеть невзгоды, связанные с нехваткой продовольствия, стала, вполне возможно, одной из причин падения дисциплины в легионах Афрания и Петрея. Цезарь, пишет, что когда он приказал своему войску следовать далеко в сторону от очевидной цели (реки Ибер), причем идти в местность с явно худшими условиями для пропитания войска, то солдаты противника стали ругать своих командиров за то, что те решили двинуться вслед Цезарю, обрекая республиканское войско голоду [27, с. 24–26, 28–38]. Если верить источникам, дисциплинированность воинов Цезаря давала ему преимущество действовать в соответствии с принципом, о котором сообщает Псевдо-Фронтин: «Г. Цезарь говорил, что он применяет против врага тот же способ, который большинство врачей применяют против телесных недугов – побеждать их скорее голодом, чем железом» (пер. А.Б. Рановича) [16, с. 267].

В известном эпизоде по Диррахию (в Греции) – опять же из истории гражданской войны 40-х гг. I в. до н. э. – в сходных обстоятельствах воины Цезаря и его противника Помпея ведут себя совершенно неодинаково. Под Диррахию солдаты Цезаря, испытывая недостаток в продовольствии, тем не менее, забрасывали помпеянский лагерь диковинным хлебом, выпекавшимся ими из чага, горького на вкус корня, едва пригодного в пищу. Этим они явно показывали противнику свою готовность бороться, не взирая на очевидные тяготы [27, с. 76]. И напротив, когда воины Помпея, сами столкнулись с нехваткой продовольствия, то, согласно Цезарю, стали в большом количестве перебегать в его лагерь [27, с. 80]. Как справедливо замечает Гарнсей, стойкое поведение воинов в условиях тяжелых лишений возможно было лишь в ситуации крепкой соратнической связи между полководцем и его войском [32, р. 36–41].

Очевидно, что готовность солдат выносить тяготы была связана не просто с дисциплиной и тренировкой в узком смысле этого слова, но с соответствующим настроением солдат. Однако это отнюдь не противоречит той мысли античных теоретиков, что приучение солдат к воздержанности в пище – это важное условие поддержания дисциплины. Если верить источникам, Сципион Эмилиан и Квинт Метелл именно ограничением солдатского рациона добились укрепления армейской дисциплины. Кажется, нет оснований сомневаться, что

Метелл специально требовал простых способов приготовления пищи, чтобы приучить своих солдат к самостоятельному приготовлению пищи и тем обеспечить их лучшую приспособляемость к условиям военной обстановки. Тем более что предписывавшиеся методы готовки (варка и жарение) не требовали сложных приспособлений: только вертел и котелок, которые Сципион позволял своим солдатам иметь в качестве кухонной утвари в условиях боевой обстановки [14, с. 96]. Для сравнения приведем пример еще одного любимого солдатами полководца – Гая Мария, прославившегося несколькими десятилетиями после Сципиона Эмилиана и Квинта Метелла. Как известно, Марий установил для воинов правило готовить себе пищу самостоятельно [27, с. 96].

Разумеется, идеализированное изображение воздержанности в пище, предполагаемое свойственное римскому армейскому социуму, не может быть взято на веру как безусловно имевшая место постоянная практика. Представляется необходимым соотнести картину, представляемую античными историками-риторами, с данными археологии и папирологии. Как полагает П. Гарнсей, в I–II вв. римские стационарные лагеря обеспечивались продовольствием на достаточно приличном логистическом уровне [32, р. 125–126]. Археологические, эпиграфические и папирологические данные позволяют заключить, что после завершения периода гражданских войн римские солдаты уже редко испытывали недостаток в провианте. Данные папирологии показывают, что среднего ранга офицеры расквартированных в стационарных лагерях отрядов могли позволить себе даже дорогие виды вин [33, р. 68]. Также и пища, потреблявшаяся, например, в лагере Виндоланды (провинция Британия) рядовыми солдатами, отличается достаточным разнообразием и обилием [33, р. 76–77], [34, р. 217], [35, р. 202–203].

Вероятно, следует согласиться с мнением М. Бишопа, который полагает, что армия Римской империи в сравнении с армией периода Республики находилась в лучшем логистическом положении, являвшимся результатом профессионализации военной службы и расквартирования войск в местах постоянной дислокации [36, р. 111–113]. Войско эпохи Цезаря – это еще в значительной степени гражданское ополчение, не знавшее регулярной интендантской службы и стационарного квартирования, а потому страдавшее от нерегулярности продовольственных поставок [37, с. 45]. Вот почему войско Марка Антония в Парфии (I в. до н. э.) оказалось хотя и отягощенным предметами роскоши, но без достаточных запасов продовольствия и питьевой воды [38, р. 96].

Но именно лучшее в логистическом смысле положение солдат Империи в сравнении с воинами Республики и побуждало теоретиков военного дела вроде Онасандра искать пути компенсации «изнеженности» солдат имперских легионов. Отсюда, собственно, – рекомендации Онасандра ограничивать рацион солдат, приучать их в мирное время к ратным трудам и умеренности [31]. Р. Дэвис и М. Бишоп прямо заключают, что ригоризм Онасандра есть прямой результат «переформатирования» римской армии из ополчения в профессиональное войско [35, р. 33], [36, р. 59–60].

Призыв теоретиков военного дела эпохи Юлиев–Клавдиев и Флавиев относительно простого рациона для солдат означал побуждение командиров к подготовке войска для несения тягот походной жизни с ее перебоями в поставках продовольствия. То есть речь велась о подготовке к перенесению тех лишений, с которыми в республиканское время римская армия сталкивалась регулярно. Между тем различие между армией Империи и войском Римской республики – это различие между войском находящимся в постоянном лагере, и тем, которое не выходит из почти непрерывных военных действий [38, р. 96]. Необходимость приучения к лишениям солдат уже императорских легионов была тем более актуальной, что военная реформа Августа, приведшая к возникновению настоящего профессионального войска, сопровождалась массовой демобилизацией солдат, набравшихся еще в республиканский период [39, с. 116]. Действительно, археологическое изучение временных мест дислокации римских войск в Британии, вероятно обозначавших собой места проведения маневров, позволяет заключить (на основании остеологического материала), что здесь римские солдаты имели рацион существенно более умеренный, чем в постоянных лагерях той же провинции. И в то же время, остеологический материал по постоянным лагерям Римской Британии отличается от материала с территории местных невоенных поселений: если на территории постоянных лагерей обнаруживается большое количество крупных рогатых животных, для невоенной округи более характерны кости овец или коз [34, р. 193], [40, р. 139], [41, р. 201–202].

Можно, таким образом, заключить, что хотя фактически солдаты отнюдь не всегда находились в жестких логистических рамках (особенно это касается периода Империи), тем не менее, существовала традиционная установка на воспитание у солдат готовности сносить лишения. Идеологически эта практика обеспечивалась активно пропагандировавшимися образцами поведения воинов и полководцев республиканского прошлого. Среди тех тягот, с приучением к которым у современников ассоциировалась военная служба, была скудность питания или как минимум простота рациона. Тем не менее, преломленная в сознании античных авторов практика таким путем превращалась в литературный топос, идеологически связанный с понятием *disciplina militaris*, понятием устойчивым, крепко связанным в римской культурной традиции с республиканским прошлым. Из этого прошлого в литературные сочинения императорского времени перешли образы выдающихся полководцев предшествующего периода, включая образ Юлия Цезаря. Подражание последнему стало одним из ресурсов личного влияния на армию полководцев эпохи Империи. Апробированная Цезарем «стратегия голода» в наиболее общих чертах была воспринята потомками и стала той практикой военного лидерства у древних римлян, которая основывалась на теме и идейной установке воздержанности в пище как особой добродетели настоящего римского воина.

Литература

1. Кнабе, Г.С. Человек и группа в античности : Обзор новой зарубежной литературы / Г.С. Кнабе // Избранные труды : Теория и история культуры. – М. – СПб.: Летний сад; М. : «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2006. – С. 293–315.
2. Токарев, А.Н. Становление социальной идеологии принципата императора Августа / А.Н. Токарев. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.
3. Махлаюк, А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина : социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2010. – № 3. – С. 141–162.
4. Махлаюк, А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А.В. Махлаюк. – Нижний Новгород : НГУ имени Н.И. Лобачевского, 2000. – 235 с.
5. Махлаюк, А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность / А.В. Махлаюк. – СПб. : Акра, 2006. – 440 с.
6. Fang, S.E. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate / S.E. Fang. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – XV. – 336 p.
7. Абрамзон, М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / М.Г. Абрамзон. – М. : Изд. РАН, 1995. – 656 с.
8. Ливий, Тит. История Рима от основания Города : в 3 т. ; пер. с лат. / Тит Ливий. – М. : Ладомир, 2002. – Т. 1. – Кн. I-X. – 702 с.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. ; пер. с греч. / Плутарх. – СПб. : Кристалл, 2001. – Т. 1. – 672 с.
10. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История ; пер. с лат. / Публий Корнелий Тацит. – М. : Изд. АСТ; Ладомир, 2003. – 984 [8] с.
11. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. ; пер. с греч. / Плутарх. – СПб. : Кристалл, 2001. – Т. 3. – 672 с.
12. Крисп Гай Саллюстий. Сочинения ; пер. с лат. / Гай Саллюстий Крисп. – М. : Наука, 1981. – 224 с.
13. Марцеллин, Аммиан. Римская история ; пер. с лат. / Аммиан Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 1996. – 669 с.
14. Аппиан. Римская история ; пер. с греч. / Аппиан. – М. : Изд. АСТ; Ладомир, 2002. – 878 [2] с.
15. Плутарх. Застольные беседы ; пер. с греч. / Плутарх. – Л. : Наука, 1990. – 592 с.
16. Фронтин Секст Юлий. Стратегемы ; пер. с лат. / Секст Юлий Фронтин // Военное искусство античности. – М. : Эксмо; СПб.,: Terra Fantastica, 2003. – С. 161–274.
17. Максим Валерий. Достопамятные деяния и изречения ; Пер. с лат. / Валерий Максим. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 308 с.
18. Полибий. Всеобщая история : в 2 т. ; пер. с греч. / Полибий. – М. : АСТ, 2004. – Т. 2. – Кн. XI–XXIX. – 756 [3] с.
19. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. ; пер. с греч. / Плутарх. – СПб. : Кристалл, 2001. – Т. 2. – 736 с.

20. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека ; пер. с греч. / Сицилийский Диодор [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://simposium.ru/ru/node/9724> – Дата доступа : 16.01.2012.
21. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела ; пер. с лат. / Вегеций Ренат Флавий // Военное искусство античности. – М. : Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 275–391.
22. Транквилл Светоний Гай. Жизнь двенадцати цезарей ; пер. с лат. / Гай Светоний Транквилл // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима : биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М. : Изд. АСТ; Ладомир, 1999. – С. 7–338.
23. Saller, R. Anecdotes as Historical Evidence for the Principate / R. Saller. // Greece and Rome. – 1980. – Vol. 27. – P. 69–84.
24. Varhelyi, Z. The religion of senators in the Roman empire / Z. Varhelyi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – XII. – 267 p.
25. Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана ; пер. с лат. / Спартиан Элий // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей; Властелины Рима : биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М. : Изд. АСТ; Ладомир, 1999. – С. 341–362.
26. Шалимов, О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I-го – начале II века н. э. / О.А. Шалимов. – М. : ИВИ РАН, 2000. – 185 с.
27. Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей : в 2 т. ; пер. с лат. В 2 т. / Гай Юлий Цезарь. – М. : День, 1991. – Т. 2 : О Гражданской войне. Об Александрийской войне. Об африканской войне. – 184 с.
28. Rossi, A. The Camp of Pompey: Strategy of Representation in Caesar's *Beirum Civile* / A. Rossi // Classical Journal. – 2000. – № 95. – P. 239–256.
29. Roth, J.P. The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235) / J.P. Roth. – Leiden : Brill, 1999. – XXI. – 399 p.
30. Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей : Пер. с лат. В 2 т. Т. 1. О Галльской войне / Гай Юлий Цезарь. – М. : День, 1991. – 190 с.
31. Онасандр. Наставления военачальникам ; пер. с греч. / Онасандр [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.xlegio.ru/sources/onasander/> – Дата доступа : 11.05.2013.
32. Garnsey, P. Food and Society in Classical Antiquity / P. Garnsey. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – XIV. – 175 p.
33. Bowman, A.K. A Life and Letters on the Roman Frontier / A.K. Bowman – New York : Routledge, 1998. – 192 p.
34. King, A.C. Animal Bones and Dietary Identity in Military and Civilian Groups in Roman Britain, Germany and Gaul / A.C. King // Military and Civilian in Roman Britain: Cultural Relationships in a Frontier Province / ed. T.F.C. Blagg and A.C. King. – Oxford : British Archaeological Reports. British Series, 1984. – P. 187–217.
35. Davies, R.W. Service in the Roman Army / R.W. Davies. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1989. – 270 p.
36. Bishop, M.C. Praesidium: social, military and logistical aspects of the Roman army's provincial distribution during the early principate / M.C. Bishop // The Roman Army as a Community ; ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor : Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 111–117.
37. Колобов, А.В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи) / А.В. Колобов. – Пермь : изд. ПГУ, 1999. – 128 с.
38. Waateringe van Groerman, W. Food for Soldiers, Food for Thought / W. Waateringe van Groerman // Barbarians and Romans in North-West Europe ; ed. A.P. Fitzpatrick, J.C. Barret, L. Macinnes. – Oxford : British Archaeological Reports. International Series, 1989. – P. 96–107.
39. Парфенов, В.Н. Император Цезарь Август : Армия. Война. Политика / В.Н. Парфенов. – СПб. : Алетейя, 2001. – 278 с.
40. King, A. Animals and the Roman army: evidence of animal bones / A. King // The Roman Army as a Community / ed. A. Goldsworthy and I. Haynes. – Ann Arbor : Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series, 1999. – P. 139–149.
41. King, A. Diet in the Roman world: a regional inter-site comparison of the mammal bones / A. King // Journal of Roman Archaeology. – 1999. – № 12. – P. 168–202.